

То, что нашла синица, было личным жетоном телохранителя Цзян Шэня, называемым Серебряным Талисманом. Как телохранитель нынешнего наследного принца, он не имел права расставаться с этим талисманом, кроме как в случае смерти. Все те личные гвардейцы, что следовали за Цзян Шэнем, были обучены им самим, и служили рядом с ним не менее десяти лет.

Цзян Шэнь держал серебряный талисман и некоторое время молчал.

Ли Жуань тоже молчал: он присел у его ног, обняв свой пушистый хвост, и поглаживал лапами вздыбленную шерсть, безмолвно утешая её.

Поначалу Ли Жуань притворялся обычной лисой только для того, чтобы не напугать этого смертного, а вовсе не из-за страха быть раскрытым. Но после нескольких дней такого притворства он так привык играть роль, что совсем забыл исходную причину.

Вот почему, когда его разоблачили, он почувствовал такую вину.

Так испугался, что шерсть встала дыбом.

«Безнадёжный», – ругал он себя, продолжая поглаживать свой вздыбленный хвост.

Но...

Этот смертный узнал, что он умеет говорить, и при этом совсем не выглядел испуганным.

В прошлый раз ведь в обморок упал от страха, разве нет?

Ли Жуань с любопытством поднял голову на мужчину перед собой, и в этот момент тот сказал:

— Маленькая лисичка, не могла бы ты помочь мне ещё раз?

Ли Жуань в последние дни притворялся немой лисой, и, услышав это, машинально хотел завилать хвостом, но тут вспомнил, что уже разоблачён, и пробормотал:

— Да... да.

Его голос был чище, чем у обычных мужчин, с мягким, чуть затухающим окончанием.

Это был тот самый голос, который Цзян Шэнь слышал в тот день, перед тем как потерял сознание.

Цзян Шэнь спокойно сказал:

— Таких серебряных талисманов должно быть ещё шестнадцать. Сейчас они находятся на телах в горах. Эти семнадцать человек умерли из-за меня, и я пока не могу похоронить их как следует. Я хочу поставить им могилу. Но я сейчас плохо двигаюсь — можешь ли ты помочь мне и принести эти серебряные талисманы?

Он не только не боялся, но ещё и поручал лисе работу.

Ли Жуань дёрнул хвостом и хотел было поторговаться с человеком, но, подняв взгляд, увидел его бледное лицо и слегка опущенные глаза, такие тёмные, что в них трудно было что-то различить.

Впервые он видел его с таким выражением.

За всё время, что они были вместе, мужчина всегда был спокойным, улыбался, разговаривая с ним, и никогда не сердился, даже когда лисёнок воровал у него еду.

Но сейчас Ли Жуань почувствовал, что он злится.

Не только злится — он был немного... грустен?

Взгляд Ли Жуаня опустился на маленькую железную пластинку в руке мужчины.

Эта вещь очень важна для него, да?

Слова, которые он хотел сказать, вдруг застряли в горле. Ли Жуань мотнул хвостом и кивнул:

— Хорошо, я помогу.

Ли Жуань взял синицу в проводники и отправился к месту, где она нашла тела.

Когда он пришёл, то понял, что это лес на западном склоне горы Чанмин. Поднявшись выше, через лес, можно было выйти к вершине ущелья, где он жил.

Похоже, Цзян Шэнь сорвался именно оттуда, прежде чем упасть у входа в его пещеру.

После сильного снегопада следов сражения почти не осталось, но десятки тел показывали, насколько жестокой и отчаянной была битва.

Ли Жуань нашёл ещё один талисман.

Синица уже бывала здесь и быстро сориентировалась. Но когда она обернулась с серебряным талисманом в клюве, то увидела, как маленькая лиса протягивает лапу и похлопывает замёрзший труп.

Синица подлетела ближе:

— Что ты делаешь?

— Так на них будет мой запах, — сказал Ли Жуань. — Тогда звери не посмеют их трогать.

В горах Чанмин зимой очень мало еды. Если оставить тела здесь, звери быстро начнут их поедать.

Хотя он и вернулся в свою первоначальную форму, старой силы устрашения в нём всё ещё было достаточно, чтобы отпугнуть мелких хищников.

Ли Жуань прожил много лет и сам почти ничего не чувствовал по поводу проходящих жизней, но этот смертный, должно быть, был очень огорчён, иначе не показал бы такого выражения лица.

Раз уж он помогает — то помогать до конца.

Где ещё в мире найдёшь такого сердечного спасителя, как он? Для смертного было бы непростительным не отблагодарить его хотя бы своим телом.

Подумав об этом, Ли Жуань сказал синице:

— Ищи быстрее, а когда закончим — угощу тебя фруктами.

Синица: — Ладно!

В лесу лежали не только телохранители Цзян Шэня, но и те разбойники, что напали на него в тот день. Даже с помощью синицы найти среди стольких тел все серебряные талисманы было непросто.

Маленькая лиса ушла дальше, чем раньше, но вернулась, неся с собой не только талисманы.

Цзян Шэнь наблюдал, как маленькая лиса складывает шестнадцать серебряных талисманов ему в ладонь, а затем хлопает передними лапами, пытаясь сбросить с себя тяжёлую ношу.

Ноша была почти с тело лисёнка, и трудно было представить, каких усилий стоило ему тащить её сюда — просто удерживать её на спине было тяжело. Цзян Шэнь протянул руку, помог ему и снял поклажу.

— Это что?

— Подобрал в лесу, — Ли Жуань встряхнул растрёпанный мех и гордо сказал: — У меня тут нет человеческой одежды, вот я и подобрал кое-какую. Думаю, тебе пригодится.

Цзян Шэнь вновь спросил:

— Почему выбрал именно эту?

Они пришли с юга Янцзы и несли с собой багаж. Если маленькому лису нужны были просто вещи и одежда, он легко мог бы взять что угодно.

— Потому что эта ткань самая красивая, — ответил Ли Жуань.

Остальные тюки были в основном из хлопка или льна, покрыты пылью. Только этот был сделан из плотной ткани: чёрный материал с тёмным узором, который красиво переливался на солнце. Ли Жуань сразу же в него влюбился.

— Последний вид парчи из ткацких мастерских Цзяннани этого года, — сказал Цзян Шэнь. — Хороший у тебя глаз. Это моё.

Ли Жуань удивлённо моргнул.

Слишком уж совпало.

Хотя... возможно, это вовсе не совпадение. Как наследный принц, Цзян Шэнь имел лучшие вещи. Маленькая лиса специально выбирал самое красивое — естественно, выбрал именно его.

Цзян Шэнь открыл тюк, а внутри лежали аккуратно сложенные одежда, письменные принадлежности и несколько книг.

В путь он отправился налегке и почти ничего не взял с собой, но в нынешнем положении эти вещи были весьма кстати.

Порывшись немного, Цзян Шэнь достал с самого дна небольшой изящный кинжал.

Этот кинжал подарил ему дядя, который относился к нему очень хорошо, когда он был юн. Говорили, что вещь эта была благословлена известным монахом — она способна резать железо как грязь и изгонять злых духов.

По слухам, среди простого народа, демоны обладают бессмертным телом, и обычным оружием их не ранить; только особые предметы способны их уничтожить.

Наверное, именно поэтому дядя и дал ему этот кинжал для самозащиты.

Цзян Шэнь никогда не верил в духов и богов, поэтому не придавал этому значения. Он хранил кинжал только как память о человеке, который был ему дорог.

А сейчас...

Он поднял взгляд на маленькую лису перед собой.

Лиса совсем не обращала внимания на его действия.

Наверное, потому что весь день помогал Цзян Шэню и не успел поесть. Передав талисманы и ношу, Ли Жуань сразу же подбежал к маленькому мешочку с фруктами, стал копаться в нём лапкой и быстро нашёл себе еду.

Цзян Шэнь покачал головой, улыбнулся и убрал кинжал обратно.

Сейчас от него толку всё равно мало.

Цзян Шэнь пострадал, упав со скалы, и его одежда была во многих местах порвана. Сумка, которую нашёл маленький лис, оказалась очень кстати. Он переоделся в чистую одежду, немного привёл себя в порядок и вышел ко входу в пещеру, чтобы устроить Могилу.

Но ходить он сейчас почти не мог, поэтому рыть ямку для погребения пришлось маленькому лису.

Маленький лис прожил в горах много лет — копать ямы для него не проблема. В два счёта выкопал он яму и помог Цзян Шэню захоронить серебряные талисманы.

Когда пришло время закапывать землю, Цзян Шэнь не позволил ему помогать.

Он сидел у края ямы, сам поднимал горсти земли и сыпал их вниз.

— Идите с миром, — сказал Цзян Шэнь. — Вы умерли из-за меня. Этот долг я запомню.

Голос у него был низким, лицо спокойным, без выражения:

— Всё случилось из-за моей беспечности. Пока я жив в этом мире, я буду заботиться о ваших семьях, родных и друзьях. Буду охранять их долгие годы.

— А настоящий виновник...

Когда он произнёс это, голос его вдруг оборвался.

Он рефлекторно взглянул на маленького лиса, сидевшего рядом. Тот всё время смотрел на него и, заметив паузу, недоумённо моргнул.

Когда я найду настоящего убийцу, я собственноручно отсеку ему голову и его плотью принесу вам жертву — договорил Цзян Шэнь мысленно, опустил глаза и засыпал могилу последней горстью земли.

Закончив, Цзян Шэнь хотел подняться, но не смог.

Сегодня он впервые после ранения вышел наружу, и после стольких усилий силы полностью покинули его. Он не стал напрягаться и просто сел на землю, опираясь на стену у входа в пещеру.

С тех пор как он сорвался со скалы, это был первый раз, когда он видел окрестности снаружи.

Перед пещерой раскинулся лес; земля была покрыта мягкой зелёной травой, и откуда-то вдали доносился слабый шум воды.

Даже зимой, когда вся растительность обычно увядает, деревья в ущелье были всё ещё зелёными и сочными, будто смена времён года не могла нарушить чистоты этого места.

Сегодня был солнечный день; тёплый свет пробивался сквозь густые кроны, а влажный воздух в глубине ущелья поднимался лёгким паром.

Это место действительно можно было назвать сказкой или земным раем.

В таких условиях даже мысли становились спокойнее.

Если бы я мог остаться здесь навсегда...

Цзян Шэнь прикрыл глаза — и сразу же отогнал подобную мысль.

Он — наследный принц. На его плечах страна, народ, государство. Сейчас в империи смута, особенно теперь, когда на него было совершено покушение и он пропал без вести — неизвестно, что творится там, во внешнем мире.

Как он может думать о бегстве?!

Цзян Шэнь тихо выдохнул и посмотрел на маленького спутника.

Пока он отдыхал, маленький лис никуда не уходил — просто сидел рядом, спокойно его сопровождая. Ярко-красный мех на солнце был особенно выразительным, и лёгкий ветерок нежно колыхал мягкие волосы.

Цзян Шэнь сказал:

— Сейчас я не могу двигаться, поэтому временно останусь здесь. Когда станет лучше, пойду в лес, соберу их тела и перенесу могилу в другое место.

Ли Жуань тихо произнёс «мм», но продолжал смотреть на него неотрывно.

— Хочешь что-то сказать? — спросил Цзян Шэнь.

Ли Жуань немного переминался на передних лапках, будто сомневался, потом решительно кивнул.

— Говори, что хотел, — сказал Цзян Шэнь.

— Ты... — Ли Жуань взглянул на него. — Ты разве не боишься меня?

Цзян Шэнь ещё раньше почти наверняка решил, что маленький лис, спасший его, — небольшой демонический дух, поэтому, услышав его слова, он не особенно удивился. Хотя сам по себе факт, что лиса может говорить на человеческом языке, действительно поражает, лис перед ним был лишь милым существом с мягким голосом.

Даже то, как он задавал вопрос, было таким забавно-неуклюжим, что никак не могло напугать.

В глазах Цзян Шэня мелькнула едва заметная улыбка. Он внимательно оглядел лисёнка с головы до хвоста — и не нашёл в нём ни одной детали, которая могла бы вызывать страх.

Немного подумав, он ответил завуалированно:

— Если ты не причиняешь мне вреда, я не буду тебя бояться.

— Конечно, не причиняю! Я же тебя спас! — Ли Жуань радостно замахал хвостом. — Я точно тебе не наврежу.

Цзян Шэнь слышал подобных слов немало — с детства.

Бесчисленное множество людей стремилось его ублажить, обещало верность, но в итоге лишь единицы действительно держали слово.

Подобным обещаниям, если их давал кто-то из людей, он бы не поверил ни единому. Да и не посмел бы поверить.

Но сейчас эти слова исходили вот от такого малыша...

Цзян Шэнь снова улыбнулся и кивнул:

— Хорошо.

— Ты ведь говорил, что они умерли ради тебя, поэтому ты должен отплатить им и заботиться об их семьях. Тогда... — Глаза маленького лиса просияли. — Тогда раз я тебя спас, ты должен относиться ко мне ещё лучше, да?

Маленький лис сказал это совершенно прямо, даже не подозревая, что в этом может быть что-то необычное.

Отдавать должное за добро — это было для него естественно.

И это вовсе не было плохим качеством.

Невозвращённая благодетельность — единственное, что действительно тяготило Цзян Шэня.

Но тут он внезапно вспомнил кое-что. Его брови слегка сдвинулись.

— Конечно, я тебе отплачу, но... — Он перебирал травинку, непонятно откуда оказавшуюся в руке, и впервые выглядел нерешительным. — Ты же сказал той синице, что оставил меня у себя, потому что хочешь заниматься со мной двойной практикой?

Он посмотрел на тонкого маленького лиса, которого мог бы поднять одной рукой, и с осязательным сомнением спросил:

— Что ты имел в виду под «двойной практикой»?

Неужели... речь о том, о чём он подумал?

<http://bllate.org/book/14444/1277225>